

В ПОИСКАХ РОДОВОЙ ПАМЯТИ...

Юрганов Олег

Однажды, еще в самом начале моего пребывания в США, мне пришлось побывать в семье, глава которой – из наших иммигрантов – с гордостью показал мне обширную генеалогию своей семьи. Плакат, кнопками прикрепленный к стене, аккуратно был исчерчен «ветвями древа» с вклеенными фотографиями настоящих, еще живущих родственников, тех, кто недавно скончался и представителей давно ушедшей родни. Потом мне был показан альбом, в котором рядом с каждой фотографией была краткая запись, рассказывающая о человеке. Год рождения и смерти, место рождения, профессия и, разумеется, «родовой или семейный статус» – папа, мама, дедушка, бабушка, дядя, брат или сестра. Из рассказа хозяина дома выстраивалась долгая и весьма непростая работа по сбору документов, фотографий, уточнению дат мест рождения и захоронения. Иначе говоря, труд по восстановлению родовой памяти членов рода и семьи хозяина дома.

Чуть позже случай свёл меня с иммигрантом из Москвы, Борисом Г. , который приобрел и успешно освоил специальную компьютерную программу, приспособленную к тому, чтобы систематизировать имевшиеся у него данные о предках и построить родовую генеалогию в таком порядке, что даже у непосвященного создаётся целостная картина семейной истории.

Я знаю людей, которые довольно упорно и кропотливо собирали материал о собственной жизни, так сказать в «назидание потомкам». Их стараниями рождались биографии, отражавшие их жизнь и деятельность, оставшиеся в памяти, как след судьбы, ныне уже завершающейся. Мне приходилось даже некоторые мемуары читать в рукописи, и скажу, делал это с нескрываемым интересом!

И всё же приходится с сожалением признать, что семейную культуру сохранения родовой памяти вряд ли назовёшь достойной тем задачам, которые стоят перед членами нашей иммиграционной общины. Кто как может, тот и относится к истории своей семьи и рода. В одних случаях, как те, о которых я упомянул, отношение – ответственное, уважительное. В других...

Не хочу корить тех, кто чувствует беспомощность перед грудой фотографий и документов. Просто замечу, что каждый из нас, кто осознал приближающийся итог жизни, обязан хотя бы упрощенно, без изысков систематизировать все имеющиеся материалы, уцелевшие документы, фотографии.

Мне пришлось побывать на семидесятилетнем юбилее старшей сестры моей жены и увидеть прекрасно смонтированный видеофильм, в котором все сохраненные и привезенные в иммиграцию фотографии прабабушек, прадедушек, последующих поколений рода и семьи юбиляра предстали живым свидетельством любви и уважения к родовой памяти. Фильм длится минут тридцать, сопровождается музыкой, короткими ремарками под фотографиями. Без прилива

теплоты и пощипывания в веках невозможно смотреть на эту дань памяти ушедшим и признательность ныне живущих родственников: сёстёр, братьев, дочерей, внуков – хранителям истории большой семьи. Для них родовая память не только предстала во всей полноте, но и напомнила о долге перед грядущими поколениями семьи...

Я сам убедился на собственном опыте насколько трудна работа по созданию родовой генеалогии. В иммиграции это во стократ труднее, потому, что архивные свидетельства и документы о наших прапращурах остались «там»! Часто случается, так, что вывезенные фотографии и документы нуждаются в уточнении, в то время как «тамошние» архивы стали нам уже недоступными. Из

истории своих семей наши дедушки и бабушки кое-что рассказывали среднему и молодому поколению. Но мало кому в голову приходило тут же, слушая рассказ, что-то записать. Спыхватывались, но поздно...

И всё же опыт поиска следов и фактов родовой памяти в среде наших земляков из общины постепенно складывается. Недавно я стал свидетелем долгой, подвижнической работы Тани Кольчинской, которую многие знают и по её

благотворительной деятельности и как маму нашего известного адвоката Алекса Побережского. Наши долгие разговоры о бережном отношении к родовой памяти были неслучайны.

И всё же, слушая рассказ Тани Кольчинской, я готов признаться, что опыт сохранения родовой и семейной памяти вполне может обрести «второе дыхание» в нашей общине. Ниже я представляю интервью с Таней Кольчинской, рассказавшей как она собирала свидетельства эмиграции в начале прошлого века в США своего двоюродного деда Дильмана Исаака Пейсаховича.

– Приходилось ли тебе слышать об опыте создания родовых, семейных генеалогий в среде нашей иммигрантской общины?

– В бытность жизни в СССР, при трудоустройстве, получив анкету с вопросом: «...имеются ли родственники за границей» еврей отвечал «нет, не имею». Боялись навлечь беду на семью, друзей признанием о существовании родственника, жившего в США или в Европе. В итоге во многих разлученных семьях прервались родственные связи, а порой и безнадежно были утрачены. Я пыталась найти своих родственников за границей, когда жила еще в Москве. Спрашивала свою родню, знают ли они что-либо о тех, кто и когда

эмигрировал. Большинство отвечало, что ничего не знают об этом или неопределенно пожимали плечами. Бывали и те, кто признавались, что такие в нашем роду были, но никаких подробностей сказать о них не могли. Когда я оказалась в Балтиморе и волею случая приступила к поиску родственника, о котором знала определенно, что он эмигрировал в США в самом начале прошлого века, я спрашивала наших иммигрантов, пытались ли они поискать свою родню в Америке? Большинство отвечало, что дело это показалось им неподъемным и не верили, что им сопутствовала бы удача.

– А когда ты сама задумалась о важности создания семейной генеалогии?

– Это было еще в России... Мне очень повезло! Мой брат, который жил в Уфе, по образованию был историком-архивистом. Многие московские архивы в самом начале войны были вывезены именно туда – в Уфу. Однажды в письме он сообщил мне, что работая с архивными документами, он нашел много материалов о семье моего отца – Александра

Кольчинского, а затем даже попытался систематизировать эти материалы в генеалогию, в которой сведения о роде Кольчинских начинаются с пятнадцатого века.

– Потрясающе!

– Да! И вот, получив эти материалы, я, что называется, «зажглась». Брат продолжал присылать всё новые и новые материалы. Я упорядочивала их, систематизировала и постепенно передо мной стала складываться зримая картина родовой истории моей семьи.

– Удалось эти бесценные документы привезти в иммиграцию?

– К счастью, мне удалось всё собранное привезти с собой в США... Но еще до приезда в Балтимор, я, как и многие наши соотечественники, в самом конце восьмидесятых, начале девяностых, некоторое время находилась в Австрии, дожидаясь в Вене разрешения на въезд в США. Там я наткнулась на свидетельство пребывания в столице Австрии моего прапращура Герша Кольчинского, который оказался основателем первого кафетерия в этом городе, дав старт «кофейной эпидемии» в Австрии, которая распространилась затем по всей Европе.

– Ты нашла дом Кольчинского в Вене?

– Да! Кстати, был он рядом с домом Моцарта, а трёхсотлетие дома-кафетерия Кольчинского справлялось с таким размахом,

что вполне могло конкурировать с празднованием юбилейной даты великого австрийского композитора. Тогда же я узнала, что в ресторанах Вены долгое время предлагалось кофе «а ля Кольчински».

– Могу представить твои чувства... И вот, ты приехала в Балтимор...

– Когда улеглись первые хлопоты с устройством, работой, языком, я снова обратилась к привезенным материалам. К этому времени я получила от моего брата Вилена Дильмана из Уфы письмо, в котором он сообщил мне, что его дедушка, то есть мой двоюродный дед, родной брат моей бабушки уехал в 1911 году в Америку и жил в Балтиморе.

– Невероятно!

– Этот факт и меня потряс! Еще до иммиграции в США я знала, что двоюродный дед Исаак Дильман эмигрировал сюда, сначала, как бы «в разведку», одновременно спасаясь от погромов. Сколько-то лет прожил и вернулся назад, чтобы забрать семью. В 1913 году он окончательно осел в Балтиморе с семьей – женой и двухлетней дочерью. У меня на руках была только его

фотография и те очень скудные сведения, о которых я сейчас рассказала. Мне ужасно интересно было узнать о его дальнейшей судьбе в Америке. Однако я не имела ни малейшего представления, с чего начинать розыски его следов?

– Не пугала сложность предстоящих трудных поисков и неизвестность итога?

– Конечно, пугала! Но в желании разыскать следы двоюродного деда у меня был особый стимул – его родная

сестра – моя бабушка Фрадл Пейсаховна Дильман, о которой в нашем роду ходили легенды! Она была матерью моего папы – Кольчинского Александра Ильича. Папа носил уже фамилию дедушки, мужа моей бабушки, девичья фамилия которой была Дильман. Была она женщина необыкновенной красоты и образованности. Я восхищалась ею... Важно и то, что Исаак Дильман до 1929 года переписывался с моей бабушкой, своей сестрой, которая долго хранила эти письма, хотя годы были трудные, тревожные и даже опасные. Бабушку недвусмысленно

предупредили, что её ждут большие неприятности, если она будет продолжать переписку со своим братом в Америке. По тогдашним представлениям его считали предателем родины. С того времени, то есть с 1929 года, связь с Исааком Дильманом прекратилась. Десятилетиями мы ничего не знали о судьбе моего двоюродного деда. Конечно, еще одним мотивом в моих поисках родовой памяти для меня было желание оставить своему сыну и его будущим детям упорядоченные и верные свидетельства родовой памяти, которые я надеялась разыскать здесь, в США.

– Я еще раз хочу обратить внимание на мотивы предстоявшей поисковой работы. На мой взгляд, каждый из нас является звеном родовой и семейной памяти и от каждого из нас зависит – будет ли когда-нибудь собрана для грядущих поколений эта золотая цепь семейной генеалогии, которая как бы опоясывает древо жизни рода? Что мешает человеку идти вслед за осознанной ответственностью и постараться эту память «оживить», найдя новые свидетельства или бережно сохранив старые, уже имеющиеся документы, фотографии в не разобранных, неупорядоченных семейных архивах, привезенных в иммиграцию?

– Я не вижу преград для упорядочивания того, что привезено сюда в иммиграцию. Нужна просто добрая воля и, как ты верно заметил, осознанная ответственность перед потомками. Что касается поиска недостающих звеньев родовой памяти среди родни, давным-давно приехавшей в США, проблемы, конечно же, есть! Прежде всего, языковой барьер. Английский

надо знать, чтобы прочитать множество документов, хранящихся в библиотеках, архивах, бумагах иммиграционных ведомств, похоронных домах и других государственных или частных учреждениях. Для людей пожилого возраста языковой барьер преодолеть, скорее всего, не удастся. К тому же поиск требует огромных усилий, которые просто не по силам пожилым людям. Скорее всего, успех возможен для представителей среднего поколения иммигрантов. Среди них уже многие овладели английским. Конечно, им тоже непросто. Приходится напряженно работать, а урывками эту поисковую работу не сделать. Я, например, в то время, когда искала следы Исаака Дильмана, потеряла маму. Меня охватила жуткая депрессия, и настоящим спасением было углубиться в поиски, переписку с ведомствами, анализ полученных документов, микрофильмов, которые хранились в библиотеках.

– А у тебя сложилось впечатление, как американцы относятся к семейной генеалогии и насколько уважительны они к своей семейно-родовой истории?

– К вопросам генеалогии американцы относятся с огромным вниманием. Здесь множество архивов, в которых документы хранятся в идеальном порядке. В любом городе вы без труда можете найти любые материалы, которые вас интересуют. Доступны отчёты всех переписей населения США. А это самый убедительный источник разыскания конкретного лица, который жил здесь и был охвачен переписью каждые десять лет. Микрофильмы с данными переписи можно получить в библиотеке и в них найти сведения о человеке, которого ты

разыскиваешь. Можно, сделать копии этих документов. Теперь многое можно добыть и с помощью Интернета, но тогда, в девяностых, мне приходилось часами просиживать в библиотеках или в архивах, перелистывая множество материалов. Исторических источников в США множество. От телефонных книг со времени появления телефонной связи, до архивных документов времен самых первых волн иммиграции, если говорить о поиске родни в людских потоках, запечатлённых в этих документах. К вашим услугам архивы синагог, похоронных домов, где сделаны подробные записи, по которым нетрудно найти разыскиваемое лицо. В этом смысле поиск родственников значительно облегчается, лишь было бы время и желание...

– Какие были твои первые шаги в твоём поиске Исаака Дильмана?

– Я не знала с чего мне начинать поиски и решила обратиться к координатору Элин Миллер в Jewish Community Center, Работала она в Jewish Information Centre и посоветовала обратиться в Еврейское Историческое Общество – Jewish Historical Society к архивариусу этого общества, которое было фактически еврейским музеем, Вирджинии Норс. Я написала ей письмо. Мне не повезло. Я получила ответ от неё, что библиотека закрыта и архивные фонды недоступны, однако, она прислала мне подробный источник документальных ресурсов, которыми я могла бы воспользоваться в своих поисках. Это уже было кое-что, потому что, ознакомившись с ним, я определила для себя направление дальнейших поисков

документов, в которых могли бы оказаться следы моего двоюродного деда Исаака Дильмана.

– И что это за источники?

– Baltimore City Archives & Records Management; Baltimore Hebrew Congregation; Baltimore Hebrew University Josef Meyerhof Library; Baltimore Museum of Industry; Genealogical Publishing Company; Jewish Historical Society of Maryland; Maryland State Archives Hall of records в столице штата в Аннаполисе, где могли храниться документы, в которых возможно я нашла бы интересующие меня сведения об Исааке Дильмане. Всего в списке, составленном Вирджинией Норс, было 12 организаций, включая библиотеки, где мне предстояло искать сведения о моем двоюродном дедушке Исааке Дильмане.

– Впечатляет! И какие были самые первые итоги разысканий в тех источниках, которые ты упомянула? Ждала ли тебя удача?

– Сначала я решила написать в Еврейский Музей и запросить интересующие меня сведения. Мне ответили, что не было найдено никакой информации об Исааке Дильмане в City Directory, ну как бы в списке жителей Балтимора с 1913, 1915, с 1918 по 1920 год, а так же и в других официальных записях не было найдено никаких следов...

– Хотя по твоим сведениям от брата, написавшего тебе из Уфы, твой двоюродный дед в США уже жил?

– В том-то и дело! Чуть позже, я нашла в тех же записях City Directory горожан, проживавших в Балтиморе, сведения об Исааке Дильмане и адрес, по которому он проживал. Но запись найдена была мною, начиная с сорокового года. Не знаю, почему за все предшествующие годы со времени, когда он по моим данным жил в Америке, записей о нём не было найдено. Конечно ответ о том, что сведений о моем двоюродном дедушке найти не удалось, меня сильно озадачило и огорчило и пришлось искать по другим источникам, в надежде натолкнуться на следы его пребывания в США. Это заняло много времени и сил. Я даже написала письмо в Social Security Administration...

– То есть приходилось действовать «методом тыка»...

– К сожалению... Прежде, чем окунуться в груды бумаг, которые предстояло перелопатить в тех организациях, о которых мне сообщила архивариус Вирджиния Норс, я написала письмо в HIAS. Полученный ответ был неутешительным. Они отказали мне в помощи, сославшись на то, что это исследование они провести не в состоянии, поскольку оно потребует многих затрат. Правда и в отказе есть некая перспектива, потому, что авторы ответов все же дают определенные направления, куда мне следует обратиться. Тогда, например, HIAS направил меня в архив Мериленда в Аннаполисе. Написала письмо туда, они направили меня в Immigration Naturalization Services. Оказывается, там есть несколько департаментов. Оттуда я получила письмо с указанием стоимости их услуг. Отправила чек и получила уже из департамента по регистрации

прижизненных записей прибывших и зарегистрированных иммигрантов данные о дедушке Дильмане. Например, Declaration of Intent, за август 1920 года, в котором были сведения о месте и дате рождения дедушки и времени его прибытия в США. Petition for Naturalization за август 1923 и Сертификат о получении гражданства от 14 января 1924 года. Иначе говоря, я получила документальные материалы о времени его прибытия в США, получения гражданства США. К сожалению, качество присланных копий, где указывались адреса его проживания в то время, было настолько непригодным для чтения, что разобраться было просто невозможно. Разумеется, мне хотелось знать не только это. Интересовало, чем он занимался, сколько прожил, когда умер и где был похоронен, что стало с его детьми, потомками детей.

– Как говорится, аппетит приходит во время еды...

– Да... Тем более что с розысками приходит опыт и некий даже азарт. Я обращалась в Department of the Health and Mental Hygiene, Salvation Army,

World Jewish Genealogy в Нью-Йорке. Вся эта переписка у меня собрана, как свидетельство моих разысканий в эти годы. В конце концов, я собрала из полученных ответов из разных организаций сведения, которые постепенно, как пазлы стали складываться в картину о жизни моего двоюродного деда в Америке. В похоронном доме Левинсона мне дали архивные записи, из которых следовало, когда и кто хоронил покойного дедушку Исаака Дильмана. А вот, когда мне дали сведения о похоронах внука Исаака, сына его дочери, которую он привез с собой в США в начале XIX века, о нём я скажу чуть позже, я узнала имена родственников и их телефоны. Например – две племянницы, двоюродные внуки – дети племянниц, мужа и дети которых оказались адвокатами...

– Звонила?

– Конечно, не утерпела...

– И как? Это ж такая интрига, ну прямо как в детективе, правда?

– Мои звонки оказались «пустыми»... Может быть, меня заподозрили в каких-то необоснованных, как им показалось притязаниях... В общем, приятного мало... А может быть, холодность была еще и потому, что ветвь Дильманов оборвалась, потому что сын дочери Исаака Дильмана не женился, был отягощен диабетом и сравнительно рано умер, хотя и оказался весьма талантливым человеком – профессором фармакологии.

– И всё же об Исааке Дильмане нашлись еще какие-то подробности?

– Брат бабушки был гладильщиком. Была, оказывается, такая профессия. Он владел и профессией портного. Когда дед впервые приехал в США, жил он в трущобах даунтауна. Нетрудно представить, как тяжело ему пришлось в те годы... Затем они жили на Файет стрит. Постепенно он стал подниматься, заработал деньги, построил дом на 4010 Фолстаф роуд. Потом, вместе с женой, много и трудно и напряженно работая, они сколотили какой-то капитал, подымали дочь. В переписи 40 года я нашла сведения о том, что вдова Исаака Дильмана проживала в 1958 году в доме № 4010 по Лабиринт роуд...

– Это же в двух шагах от Милбрука! Нашла этот дом?

– Да, конечно!

– И что еще удалось узнать?

– Исаак Песах Дильман вел дела довольно успешно и позднее открыл уже своё заведение по гладильному бизнесу, а их дочка вышла замуж за американца...

– Прости, перебиваю тебя... Теперь уже практически все подробности о твоём дедушке ты знаешь и в твоих записях о времени его рождения и месте есть документальные факты...

– Да, конечно! Исаак Песахович Дильман родился в местечке Янов на Украине. Покинув родину, отправился сначала в Варшаву, затем в Германию, город Бремен. Оттуда на пароходе он отправился в Америку и прибыл в Филадельфию, штат Пенсильвания 20 августа 1913 года.

– Ты мне говорила, что брат из Уфы писал тебе, что Исаак Дильман посещал США дважды. Впервые в 1911 году...

– Да, эта «нестыковка» меня тоже смущает. Но мне удалось найти реальные сведения лишь по 1913 году... Его жена Марта, она же Хася Дильман родилась в июле 1885 года в местечке Хмельник, кстати, мой папа Александр Кольчинский тоже там родился. Умерла она в 1957 году в возрасте 73-х лет. Их дочка – Ета Дильман, после замужества – Яблон. Родилась в местечке Хмельник в 1910 году. Умерла в 1982 году в возрасте 72-х лет. Её муж Леон Яблон, кстати, тоже потомок семьи, бежавшей из Украины, родился в США в 1910 году, умер в 1989 году в возрасте 79- лет. У Еты и Леона Яблон был единственный сын – Пол Яблон, то есть внук Исаака Песаха Дильмана. Родился в 1941 году, здесь же в США, а умер в 1978 году в возрасте 37 лет.

– То есть, фактически родовая ветвь Дильманов оборвалась на дочери, и родовую эстафету подхватил род Яблонов? Так получается?

– Если учесть, что Пол Яблон не был женат и не имел детей... Он был очень болен диабетом и обладал совершенно

неподъемным весом – более трёхсот паундов, по-видимому, в результате болезни. Был он профессором и жил в Олбани. Пользовался большой известностью. Ветвь моих кровных родственников завершилась и, наверное, Яблонов тоже...
Подробностей об этом роде я уже не знаю.

– Где похоронены твои родственники Дильманы?

– Все они похоронены на кладбище в Балтиморе. Место называется Workmen Circle на German Hill Road.

– Путь поиска родовой памяти завершился... Может быть, у тебя найдется пару слов для тех, кто все-таки решится обратиться к поискам следов родовой и семейной памяти здесь, в США?

– Если бы я начинала эту работу сейчас, я бы упростила поиски. Например, не стала бы писать в Social Security Administration, Красный Крест и другие, а использовала бы, прежде всего Интернет. С его помощью можно установить контакты с Jewish Museum of Maryland, где собраны внушительные архивы, микрофильмы всех переписей. Обратилась бы в государственный архив штата Мериленд в Аннаполисе и в Immigration Naturalization Services. Мой опыт показывает, что из этих источников можно получить сведения вполне исчерпывающие и точные. Следует еще иметь в виду, что множество данных можно найти в библиотеках. Даже в нашей – в Пайксвиле. Ну и в похоронных домах...

– Можно ли сказать определенно, что твой поиск следов родовой памяти оказался плодотворным?

– Да! Безусловно! Печально, что родовая ветвь Дильманов завершилась, но главное случилось: я нашла то, что искала и передала эти материалы в Jewish Museum в Балтиморе. Систематизировав все сведения об Исааке Песаховиче Дильмане, моем двоюродном дедушке, родном брате моей бабушки, которая выйдя замуж за Кольчинского, родила моего папу Александра Кольчинского, брак которого с моей мамой дал мне жизнь. Я счастлива, что оставила эту документальную историю о следах нашей родовой памяти своему сыну и внукам!

—

Я должен признаться, что при всём оптимизме, которым пронизан рассказ Тани Кольчинской, у меня остался горький осадок. Почти восемьдесят лет жизни так называемого государства рабочих и крестьян были наполнены тяжкими утратами в родовой памяти сотен тысяч семей, члены которых, составившие миллионы, были раскиданы по всему свету. Был «ближний свет» – собственно государственная территория Советского Союза. В нём царил атмосфера сначала губельного страха перед сталинскими репрессиями, потом оккупационный режим, перемоловший жизни тысяч и тысяч жертв. После освобождения и разгрома гитлеризма, на территории советского государства воцарилась долгая, на десятки лет, утопия строительства коммунизма, зорко охраняемая КГБ от сомнений граждан, опасных для авторитета

КПСС. Все эти годы идентичность людей, то есть обращение к себе: «Кто я?» «Кто мои предки?» «Какова история моей семьи?» и поиск исторически верных фактов и документов, позволяющих найти ответы на эти вопросы, были непозволительной роскошью или опасной «любопытностью» для многих. «Еврей», «Потомок кулака», «Буржуазно-купеческие корни», «Поповское отродье» и т.п. клейма могли выжечь из родовой памяти людей и честь, и совесть. История родов и семей с «неправильными» корнями и «неподходящими» под стандарт советского человека «классовыми признаками» губилась и вымарывалась руками самих членов этих семей, озабоченных безопасностью потомства или соображениями карьеры. Сжигались «компрометировавшие» письма, выбрасывались фотографии, умалчивались опасные факты привлечения к несправедному суду, пребывание в плену, на оккупированных территориях во время войны. Но самое горькое оказалось впереди! Был еще и «свет дальний» – территории государств, куда удалось сбежать не столь уж и многочисленному легиону счастливых, уклонившихся от «привилегии» жить в «светлом здании коммунизма». Не их вина, но беда, что прибыв в этот «дальний свет», то есть в «Западный мир», они оказались по ту сторону Железного занавеса и десятилетия ничего не знали о тех родовых отростках, которые прорастали в Советском государстве. Но беда эта, пусть не у всех, но у многих обратилась в тяжкую болезнь забвения! Недуг в родовой памяти обнаружился у них, когда с исчезновением Советов, рухнул Железный занавес и, ведомые жаждой спасти свою родовую память, иммигранты из СССР стали искать родню в США и Европе. Мне известны множества свидетельств

равнодушия и даже враждебности потомков тех, кто сбежал в довоенные времена из Страны Советов, или, попав в плен к гитлеровцам, пройдя концлагеря, выжили и сумели оказаться в американской или французской оккупационных зонах поверженной Германии, получив шанс попасть в «Западный мир». Равнодушия и враждебности к кому? К родственникам, с трудом их разыскавшим... Как такое могло случиться? Почему «зов крови» оказался безгласным? Почему родовая память оказалась у них вытравленной? Одни мои собеседники говорили, что найденная американская родня боялась неких «притязаний» прибывших иммигрантов-родичей на их благополучие и комфорт, который достигнут был здесь годами тяжкого труда. Другие с растерянностью обнаруживали, что в семьях американских «ветвей родства» нет ни малейшего интереса к тем, кто прибыл сюда, десятки лет живя «там» надеждами хотя бы на некое условное воссоединение с родственниками «здесь». Наткнувшись на холодность «американцев», нынешние иммигранты или покорно приняли её или отказались от общения, не желая, что называется, испытывать судьбу и «навязываться». Во многом это цена жестокой идеологии Советов, провозгласивших давным-давно: «Кто не с нами, тот против нас!» Однако, хранение здесь, в США, в семейных архивах и в родовой памяти облика тётушек и братьев, дедушек и племянников, писем и дневников, открыток и документов не преследовалось властями. Хотя, нет... Никто не выдумал время маккартизма. «Охоты за ведьмами». «Красной угрозы», «Холодной войны». Ни хвалиться, ни гордиться, ни даже упоминать в те годы родство с людьми, на которых была печать «Советский человек», «Русский» не рекомендовалось. Точно так же, как в СССР

возбранялось хранить письма родни из США. Уродливая, патологическая эпоха выросла в современную цивилизацию, как раковая опухоль, подавляя естественные и животворные ткани родовой памяти, превращая близких друг другу людей в чужеродные или попросту равнодушные массы современников без рода и племени. Исход евреев, простиравшийся сотни лет не знал таких потерь в родовой памяти, какие случились в истории еврейства и с его самоидентификацией в течение нескольких десятилетий существования СССР с идеологией, которая царила в нашем «ближнем свете». Как оказалось, даже здешний «дальний свет» был отравлен тем, в котором мы жили. Отравлен губительным влиянием на родовую память благополучно выросших здесь потомков нашей утраченной и казалось бы, теперь обретенной родни. Меня не оставляет вопрос: сумеет ли родовая память выжить в сознании юных поколений наших иммигрантов, уже перешагнувших через границу XXI века, вошедших в нынешнее бытие США евреями-американцами, но не потомками советских евреев?